

Munich Personal RePEc Archive

Tolerance, collaboration and economic growth

Polterovich, Victor

CEMI RAS, MSE MSU

10 September 2017

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/81277/>

MPRA Paper No. 81277, posted 10 Sep 2017 13:55 UTC

Толерантность, сотрудничество и экономический рост¹

В. М. Полтерович
ЦЭМИ РАН И МШЭ МГУ, МОСКВА

Аннотация

Институциональный (в частности, политический) плюрализм - фундаментальная черта современных развитых обществ; его культурной основой является толерантность граждан. В работе предлагается различать правовую, оценочную и интерактивную толерантность. Это различие позволяет объяснить противоречивые результаты, полученные при эконометрических исследованиях толерантности и ее связей с экономическим ростом. Правовая толерантность является основой конкурентного плюрализма, а интерактивная оказывается предпосылкой формирования консенсусного плюрализма, основанного на сотрудничестве различных общественных сил. Борьба за ресурсы, внутри- и межстрановое неравенство, «войны за историю» и предрассудки препятствуют росту толерантности. Обращается внимание на «парадокс политкорректности»: догматическая толерантность порождает интолерантное поведение. Отмечается, что интерактивная толерантность в развивающихся странах значимо коррелирована с техническим прогрессом и уровнем благосостояния. Наличие этой связи, реализуемой через механизмы сотрудничества, позволяет предположить, что, несмотря на противоречивую динамику уровня толерантности в последние 25 лет, в долгосрочной перспективе толерантность будет укрепляться.

Ключевые слова: толерантность, плюрализм, сотрудничество, доверие, неравенство, корпоративизм, инновации

JEL Classification: B52, O15, O31, O43, P51

TOLERANCE, COLLABORATION AND ECONOMIC GROWTH

V. M. Polterovich

CEMI RAS AND MSE MSU, MOSCOW

Abstract

Institutional (in particular, political) pluralism is a fundamental feature of modern developed societies. Its cultural basis is the tolerance of citizens. The paper proposes to distinguish between legal, evaluative and interactive tolerance. This distinction makes it possible to explain the contradictory results obtained with econometric studies of tolerance and its links with the economic growth. Legal tolerance is the basis of competitive pluralism, and interactive one is the prerequisite for the formation of consensus pluralism, based on the collaboration of various social forces. Struggle for resources, intra- and intercountry inequality, "history wars" and prejudices prevent the strengthening of tolerance. Attention is drawn to the "paradox of political correctness": dogmatic tolerance generates intolerant behavior. It is noted that interactive tolerance in developing countries is significantly correlated with technological progress and the level of well-being. The existence of this relationship, which is realized through the collaboration

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-02-00524а).

mechanisms, gives the ground for supposition that, despite the contradictory dynamics of the tolerance level in the past 25 years, tolerance will be strengthening in the long run.

Keywords: tolerance, pluralism, collaboration, trust, inequality, corporatism, innovation

JEL Classification: B52, O15, O31, O43, P51

1. Введение

В работах Полтерович (2015, 2016) была сделана попытка показать, что с течением времени в развитых странах соотношение между тремя основными механизмами координации - конкуренцией, властью и сотрудничеством - меняется в пользу сотрудничества. Эта тенденция проявилась сравнительно недавно, хотя и не одновременно, как в сфере внешнеполитических взаимодействий, так и во внутренней политике и экономике. Создание системы международных организаций во главе с ООН, формирование консенсусных демократий и усиление роли парламентских комитетов, эволюция антимонопольного законодательства и законов о банкротстве, становление гражданского общества - все это свидетельствует об увеличении роли позитивного (не направленного против третьих лиц) сотрудничества, в то время как значимость механизмов конкуренции и власти уменьшается. Эта тенденция стала возможной благодаря техническому прогрессу, росту благосостояния, совершенствованию человеческого капитала и глубоким изменениям массовой культуры. Рост благосостояния способствует относительному увеличению индивидуальных и общественных издержек человеческого страдания, так что жесткие экономические и политические конфликты оказываются все менее приемлемыми. Совершенствование человеческого капитала означает, в частности, увеличение кооперативности – способности людей координировать свои действия с партнерами. Благодаря техническому прогрессу радикально увеличились издержки силового противостояния и снизились трансакционные издержки сотрудничества. Другой, не менее важный фактор снижения этих издержек – эволюция массовой культуры и прежде всего укрепление норм честности, рост обобщенного доверия, альтруизма и толерантности. Главными результатами культурных изменений в нашем контексте являются смягчение проблемы безбилетника (основного препятствия для эффективного функционирования механизмов сотрудничества) и формирование коллаборативности – качества, включающего как умение сотрудничать (кооперативность), так и стремление к кооперации с другими индивидами (Полтерович, 2015). В работе

Полтерович (2016) обсуждалось значение этих факторов в контексте развиваемой теории механизмов позитивного сотрудничества. Задача настоящей статьи – рассмотреть толерантность как фактор, способствующий их становлению.

В следующем разделе анализируются понятие толерантности и способы ее измерения. Для формирования показателя «уровень толерантности» разные авторы используют ответы респондентов на вопросы, не только отличающиеся конкретным содержанием, но и отражающие разные по существу явления. В результате получаемые ими выводы кажутся противоречащими друг другу. В связи с этим предлагается различать три типа толерантности – оценочную, правовую и интерактивную. Они не жестко связаны друг с другом и могут изменяться в противоположных направлениях.

Третий раздел посвящен рассмотрению факторов, препятствующих повышению уровня толерантности. К их числу относятся неравенство в доходах, предрассудки, историческая память о прошлых конфликтах. Обращается внимание на парадокс политкорректности: догматическая толерантность ведет к нетерпимости и фактическому ограничению свободы высказываний – эффект, который здесь назван авторитаризмом общественного мнения.

В четвертом разделе обсуждаются результаты исследований, демонстрирующих противоречивые тенденции в динамике толерантности за последнюю четверть века. Рост правовой толерантности сопровождается падением интерактивной толерантности по отношению к мигрантам, а в ряде развивающихся стран и по отношению к этническим меньшинствам.

Задача пятого раздела – выявление связи между корпоративистской системой управления в стране (системой, основанной на сотрудничестве государства и различных общественных сил), консенсусной демократией по Лейпхарту и относительно высоким уровнем толерантности, способствующим формированию консенсусного плюрализма.

В шестом разделе получен вывод, опирающийся на сопоставление результатов ряда исследований, о том, что рост интерактивной толерантности при достаточно высоком качестве институтов способствует ускорению технического прогресса, а это в свою очередь повышает уровни доверия и интерактивной толерантности. Описанный процесс реализуется благодаря развитию механизмов сотрудничества.

В заключении намечены некоторые направления дальнейших исследований.

2. Понятие толерантности

Под толерантностью понимают непредвзятое отношение к другим культурам, стандартам поведения и взглядам, благожелательное стремление понять их. Такое

понимание провозглашено в декларации ЮНЕСКО: «Tolerance is respect, acceptance and appreciation of the rich diversity of our world's cultures, our forms of expression and ways of being human»² (Declaration of principles of tolerance , 1995).

До сих пор не найдены достаточно убедительные способы измерения толерантности. Для этой цели используются ответы на вопросы, не только отличающиеся конкретным содержанием, но и отражающие разные по существу явления. Вопросы типа «Следует ли разрешить коммунистам (атеистам, радикалам) преподавать в школах?» выявляют мнение респондентов о целесообразном правовом статусе представителей той или иной идеологии. Информация совсем другого, оценочного характера содержится в ответах на вопрос: «Считаете ли Вы, что мужчины больше подходят для роли руководителей, нежели женщины?» Еще один важный аспект толерантности - готовность взаимодействовать - выявляется при ответе на вопрос: «Не возражаете ли Вы иметь в качестве соседей цыган (гомосексуалистов, представителей иной расы, и т. п.)?».

Выводы разных исследователей, посвященных проблемам толерантности, нередко формально противоречат друг другу, так что сделать сколько-нибудь обоснованные заключения из этого потока литературы кажется невозможным. Естественно предположить, что противоречия, по крайней мере, отчасти вызваны различиями в исходном статистическом материале. Используя один и тот же термин «толерантность», авторы на самом деле изучают разные объекты.

В связи с этим целесообразно различать три аспекта толерантности: толерантность как склонность к позитивной оценке, как признание прав и как готовность к взаимодействию. Соответственно, будем в дальнейшем говорить об оценочной, правовой и интерактивной толерантности. Различия между этими тремя аспектами очевидны. Так, осуждая проституцию, индивид может быть против ее запрета (правовая, но не оценочная толерантность). Позитивно высказываясь о представителях другой расы и даже радуя за их равные права, он может испытывать дискомфорт, узнав о решении дочери выйти замуж за чернокожего (оценочная, правовая, но не интерактивная толерантность).

В работе Gibson (1992) обращается внимание на отсутствие тесной связи между политической и социальной интолерантностью. Согласно распространенному определению, политическая толерантность означает признание прав политических противников на политическую деятельность³. Таким образом, в нашей системе понятий

² В официальном переводе на русский: «Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности».

³ «Political tolerance... refers to allowing political activity ... by one's political enemies.» (Gibson, 1992, p. 22).

речь идет о (важнейшем) частном случае правовой толерантности. Социальную интолерантность Гиббсон определяет как наличие предубеждений против той или иной социальной группы («prejudice in particular», p. 22). Отсутствие таких предубеждений - социальная толерантность - порождает оценочную толерантность.

Наблюдение Гиббсона подтверждает нашу гипотезу о том, что в обществе возможны расхождения между правовой и оценочной толерантностью. Видимо, важнейшим фактором таких расхождений является конфликт между укоренившимися представлениями о демократии как наилучшей форме государственной организации и массовой культурой. Подобные конфликты нередко ведут к социальной нестабильности.

В разделе 4 приводятся данные, демонстрирующие возможность разнонаправленных тенденций изменения правовой и интерактивной толерантности.

Важный вопрос состоит в том, в какой мере толерантность в приведенном выше значении (как «отношение к иному») влияет на реальное поведение людей. Это частный случай проблемы, широко обсуждаемой в социальной психологии (см., например, Kraus (1995)). Исследования показывают, что, как правило, корреляция между выраженным отношением и фактическим поведением значима и положительна, но ее уровень зависит от обстоятельств, в рамках которых реализуется поведение. В связи с этим некоторые авторы различают «отношенческую» (attitudinal) и поведенческую (behavioral) толерантность (см., например, Seebruck, 2013). Для дальнейшего нам важен факт положительной связи, детальное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки настоящей статьи.

3. Факторы и механизмы интолерантности

Имеются три основных источника интолерантности: борьба за ресурсы, неравенство и предрассудки, частично обусловленные двумя первыми факторами, но также и высокими издержками взаимодействия с представителями других групп.

3. 1. Неравенство, борьба за ресурсы и имперское сознание

Высокое неравенство в доходах ведет к социальной напряженности. Это отражается на уровне оценочной толерантности: чем выше индекс Джини, характеризующий распределение доходов в стране, тем меньше ее население склонно к воспитанию детей в духе толерантности (Corneo, Neher, 2012). Кроме того, высокое неравенство влечет за собой низкий уровень обобщенного доверия (Gould, Hijzen, 2016), а значит, и интерактивной толерантности.

Интолерантность порождается также межстрановым неравенством. За семьдесят лет после Второй Мировой войны лишь немногим более десятка стран сумели решить задачу догоняющего развития. Остальным она оказалась не под силу. Ряд авторов указывают, что одним из существенных препятствий для экономического роста явилась политика стран золотого миллиарда, создавших выгодную им систему международных договоров и архитектуру международных организаций. В книге Chang (2002) показано, что эта система «отбрасывает лестницу», по которой развитые страны взобрались на вершину своего нынешнего благополучия. Речь, в частности, идет о правилах «свободной торговли», поддерживаемых ВТО и затрудняющих проведение эффективной промышленной политики, о системе охраны интеллектуальной собственности, не позволяющей отстающим воспользоваться новыми технологиями, о доминирующем влиянии богатых стран на решения международных финансовых институтов, таких как МВФ и Всемирный Банк.

Таким образом, межстрановое неравенство, обусловлено, по крайней мере, частично борьбой за ресурсы.

Жесткая межстрановая конкуренция за ресурсы в прошлом породила формирование империй, опиравшихся на идеологии культурного превосходства. Нередко в качестве основного аргумента выступала принадлежность к той или иной «единственно истинной» религии. Элементы имперского сознания сохранились и по сей день. Так, в опросе The American-Western European Values Gap (2012) респондентов спрашивали, согласны ли они со следующим утверждением: «Наши люди не совершенны, но наша культура превосходит другие культуры». Результаты выглядят так: Франция – (73;27), Великобритания – (63;32), Испания-(55;44), Германия - (52;47), США - (46;49). Здесь первая цифра каждой пары означает процент не согласных, а вторая – согласившихся.

В соответствии с этим опросом США – единственная из пяти держав, где большинство не готово отвергнуть идею культурного превосходства. Разумеется, имперское сознание сопряжено с правовой и интерактивной интолерантностью во внешнеполитической сфере – отказом признавать право других стран на выбор политической организации, а в ряде случаев – силовым навязыванием им политических систем, не адекватных их стадии социально- экономического развития.

Для тех, кто оказался на более низкой ступени, «признать свою отсталость» совсем непросто. Неудачи неизбежно порождают мало обоснованные теории «иного пути развития», концепции мнимых преимуществ в отношении моральных качеств, уклада жизни, исповедуемой религии. На радикальных вариантах подобной идеологии

взращается терроризм - множество разнородных движений, важнейшей целью которых в наше время является вооруженная борьба с западным влиянием.

Описанным выше тенденциям противостоит возрастающее стремление мирового сообщества облегчить отставшим странам решение задач догоняющего развития, создать институты и обеспечить обстановку позитивного сотрудничества. Соответствующие аргументы, приведенные в Полтерович (2015), можно дополнить данными о государственной помощи для развития (Official Development Assistance). С 2007 по 2013 г. несмотря на кризис, она выросла почти на 40% (Geographical Distribution..., 2015, с. 99). В 2015 г. ее объем был в выше, чем в 1960 в 3,6 раза в номинальном выражении. Правда, доля ВНД, направляемого основными донорами - странами-членами Комитета помощи развитию, сокращалась в 1960-х, а с 1970 г. оставалась в районе трети процента (OECD, 2016, p. 152). В Coscia (2013) отмечается быстрый рост числа организаций-спонсоров и видов помощи, которую они оказывают. Это смягчает эффект роста неравенства, препятствуя падению толерантности.

3.2. «Войны за историю»

Важное препятствие для становления толерантных отношений между государствами указано в статье Liakos (2008). Автор обращает внимание на явление, названное им «войнами за историю» (history wars). История любой страны – это в значительной мере летопись противостояний с другими нациями, религиями, культурами, история побед и поражений. Национальное самосознание, патриотизм включают гордость прошлым своей страны, и праздничные ритуалы нередко связаны с воспоминаниями об успешных войнах с соседями - агрессивными, жестокими, несправедливыми. Еще более серьезная коллизия наблюдается, если группы населения, предки которых враждовали, проживают в одной стране. Возникает своеобразная ловушка оценочной интолерантности: культурные традиции препятствуют ее преодолению. Неожиданный пример подобного конфликта – снос памятников конфедератам – военачальникам⁴, вызвавший беспорядки в Шарлоттсвилле (Вирджиния, США) в августе 2017 г. Подлинная толерантность должна предусматривать отказ от презентизма, от соблазна оценки прошлого в современных шкалах. Это требует очень трудной социальной и психологической трансформация общественного сознания.

⁴ См. <https://www.nytimes.com/interactive/2017/08/16/us/confederate-monuments-removed.html>

3.3. Парадокс политкорректности

Расовые, национальные, религиозные, гендерные, идеологические различия - постоянные источники конфликтов в современных обществах. В качестве инструмента снижения напряженности в западных странах возникли нормы политкорректности, требующие при обсуждении «острых» проблем придерживаться особой терминологии, не содержащей негативной коннотации, и нейтральных формулировок (Hughes, 2010).

Однако социальные последствия внедрения норм политкорректности неоднозначны. Есть свидетельства того, что следование этим нормам способствует генерации новых идей в смешанных группах, поскольку участники в меньшей степени опасаются негативной оценки их предложений (Goncalo et al, 2014). Вместе с тем ряд авторов отмечают, что политкорректность в ее сложившихся формах нередко ограничивает граждан в праве на высказывания, даже если речь идет об обсуждении научных проблем.

Авторитаризм общественного мнения угрожает отступнику не только всеобщим осуждением, но и потерей работы. Разительный пример – вынужденный уход известного экономиста и политического деятеля Лоуренса Саммерса с поста президента Гарварда. Большинство профессоров основного подразделения университета, Факультета искусств и наук выразили ему недоверие после выступления на научной конференции, которое было сочтено не политкорректным. Обсуждая вопрос о том, почему доля женщин среди имеющих теньюр профессоров в области точных и технических наук существенно меньше, чем мужчин, Саммерс (с многочисленными оговорками) высказался в пользу гипотезы о генетических различиях между полами. Несколько профессоров вышли из зала в знак протеста, пресса пришла в ярость. Между тем, одна из слушательниц, профессор, специалист по затронутой Саммерсом проблеме, сочла его лекцию «абсолютно блестящей» (Hemel, 2005).

Этот эпизод демонстрирует общую трудность, возникающую в процессе формирования норм толерантности: расширительное толкование, абсолютизация этих норм может породить интолерантность. Речь идет о возникновении неформальных норм, фактически ограничивающих свободу высказываний, и нетерпимости к нарушению этих норм.

3.4. Фундамент интолерантности: предрассудки

Продолжая обсуждение вопроса о неравенстве в обобщенном смысле как причине интолерантности, стоит отметить, что предположение Саммерса не было лишено оснований, хотя ответ оказался более сложным. Сопоставление оценок, полученных

мужчинами и женщинами при решении тестовых математических задач, показало, что средние значения отличаются незначительно, но среди тех, кто получает очень низкие и очень высокие оценки, мужчин существенно больше. Различие усиливается при усложнении тестов (Halpern (2012), Miller, Halpern (2014))⁵.

Способность к решению задач - не единственный фактор, влияющий на вероятность получения теньюра. В частности, чтобы писать статьи и читать лекции, нужны вербальные способности, которые, как указано в цитированных источниках, в среднем выше у женщин. Все же в данном контексте качество исследований имеет, видимо, большее значение, так что приведенный анализ объясняет, по крайней мере, частично доминирование мужчин среди профессоров с постоянным контрактом на математических факультетах.

Еще один интересный вывод касается эволюции различий между мужчинами и женщинами при выполнении математических тестов. Как отмечено в Miller, Halpern (2014), различия снижались в 1980-х годах и стабилизировались в 1990-х. Значит, в течение двадцатилетнего периода наблюдался сдвиг, подтверждающий деструктивность интолерантности.

Признание фактов не может считаться проявлением интолерантности. Логика интолерантности основывается либо на предрассудках («мифах»), либо на ошибках поспешного обобщения, чаще всего в их вероятностных вариантах. В первом случае речь идет о приписывании той или иной группе мифических качеств или обычаев («евреи пьют кровь христианских младенцев»), либо отрицательных качеств, которые на самом деле никак не отличают ее от других групп. Во втором случае всем представителям группы приписывается та или иная негативная черта на том основании, что в этой группе она фактически встречается чаще, чем в других. Этот второй вариант интолерантности (назовем его f-интолерантность) заслуживает специального обсуждения.

Правовую f-интолерантность обычно связывают с требованиями, дискриминирующими ту или иную группу. Но законодательство большинства стран содержит дискриминирующие статьи (например, по отношению к мигрантам)⁶, которые, тем не менее, рассматриваются обществом как справедливые. Если так, то можно ли в подобных случаях говорить об интолерантности?

Еще более сложен случай интерактивной f-интолерантности. Как расценить, например,

⁵ Насколько предрассудки политкорректности затрудняют исследования свидетельствует тот факт, что Д. Гальперн вынуждена «извиняться» за полученные результаты: “For many it is frightening and perhaps even un-American, to consider the possibility that even a small portion of the sex differences in cognitive abilities may be attributable to biological factors.” (Halpern (2012), p. 32).

⁶ Например, недавние мигранты в США, Канаде, странах ЕС не имеют права на пенсию.

отрицательный ответ на вопрос « Хотели бы Вы жить по соседству с колонией – поселением?» С одной стороны, он диктуется соображениями безопасности респондента и его семьи. С другой стороны, изоляция плохо социализированных групп препятствует их социализации и таким образом во многих случаях противоречит общественным интересам, а потому не поощряется государством.

4. Динамика толерантности

При исследовании динамики толерантности следует различать собственно культурные изменения (например, усиление антисемитизма в Германии тридцатых годов) и флуктуации, а также тренды, вызванные ростом или сглаживанием различий: наплывом мигрантов, повышением благосостояния меньшинств, и т. п.

В недавней весьма тщательно выполненной работе Twenge et al. (2015) исследовалось изменение толерантности в США с 1972 по 2012 г. Были обработаны результаты представительного опроса (General Social Survey), содержащего ответы на три вопроса относительно каждой из пяти групп населения: воинствующих атеистов («тех, кто против всех церквей и религий»), гомосексуалистов, коммунистов, милитаристов (тех, кто «призывает покончить с выборами и дать военным управлять страной»; более точно было бы говорить о сторонниках военного режима) и расистов («тех, кто верит, что чернокожие генетически находятся на более низкой ступени» - *genetically inferior*). Респондентов спрашивали, следует ли представителям этих групп разрешить выступления с изложением своих взглядов и преподавать в колледже либо в университете. Третий вопрос, состоял в том, следует ли изъять из публичной библиотеки написанные ими книги. Таким образом, в наших терминах речь шла исключительно о правовой толерантности.

Расчеты показали, что за 41 год толерантность американцев существенно выросла по отношению ко всем группам (какой бы вопрос ни брать за основу) за исключением расистов, отношение к которым слабо изменилось. Так, в 1972-1974 гг. в среднем за разрешение преподавать атеистам, гомосексуалистам и коммунистам высказались, соответственно, 43%, 52% и 41% респондентов, а в 2010 -2012 гг. положительный ответ дали уже 63%, 85% и 64%. Несколько удивляет высокий прирост положительных ответов по отношению к милитаристам: с 37% в 1975-1979 гг. до 58% в 2010-2012 гг.

Как и следовало ожидать, при прочих равных условиях правовая толерантность убывает с возрастом и растет с уровнем образования.

В Twenge et al. (2015) даны ссылки на другие работы, где авторы приходят в основном к близким заключениям.

Что касается интерактивной толерантности, то здесь тенденции не столь однозначны. В статье Twenge et al. (2014) показано, что за период с 1972 по 2012 г. американцы стали существенно меньше доверять друг другу. Так, в 1972–1974 гг. 46% взрослых американцев полагали, что «большинству людей можно доверять». В опросах 2019-2012 гг. это число снизилось до 33%. При этом доля тех, кто соглашался с утверждением: «во взаимоотношениях с людьми надо проявлять осторожность» выросла с 51% до 62%. Аналогичная и еще более явно выраженная тенденция наблюдалась среди подростков. Далее, за эти годы значительно уменьшилось доверие американцев к институтам, таким как пресса, бизнес, религиозные организации, медицинские учреждения, институт президентства. Особенно резко упало доверие к конгрессу. В 2000-2002 гг. 49% респондентов считали, что конгресс работает «хорошо» или «очень хорошо»; в 2010-2012 гг. такие ответы дали лишь 22%.

Очевидно, предпосылкой роста интерактивной толерантности является укрепление доверия. Значит, следует предположить, что в США за последние десятилетия произошло ее снижение, несмотря на рост правовой толерантности.

В работе Foa (2015) со ссылкой на данные ООН отмечается, что число мигрантов в мире выросло со 154 млн. в начале 1990 г. до 232 млн. в 2014 г., так что каждый тридцатый житель на Земле является мигрантом. При этом число граждан, не желающих иметь в качестве соседей «иммигрантов или иностранных рабочих», увеличивается во всех регионах кроме Африки. Наибольший прирост этой компоненты интерактивной интолерантности продемонстрировала Восточная Европа: с 11% в 1996 г. до 26% в 2012 г. С 2000 по 2012 г. в странах Западной Европы число респондентов, интолерантных к иммигрантам, выросло с 14% до 15%, в США и Канаде – с 7,5% до более чем 9%, в Австралии и Новой Зеландии – с 5% до почти 8%. (Foa, 2015, Fig.1, 2).

С 1990 г. интерактивная толерантность по отношению к этническим меньшинствам укрепляется в развитых странах, а также в Латинской Америке и в Африке, но падает в Западной и Южной Азии и в Восточной Европе (Foa, 2015, Fig. 6, 7).

Вместе с тем во всех регионах мира за исключением Восточной Азии наблюдается рост индекса интерактивной толерантности к меньшинствам иного образа жизни (индекс отражает отношение к гомосексуалистам, неженатым парам и алкоголикам, см. Foa, 2015, Fig. 13).

Отмеченные выше противоречивые тенденции, видимо, связаны со спецификой ситуации, сложившейся после 1990 г. Распад СССР, многочисленные военные конфликты в Азии и Африке, продолжающаяся конфронтация на Ближнем Востоке, скачкообразный рост терроризма и миграции, все это должно было отрицательно сказаться на уровне

толерантности. В Фoa (2015), ссылаясь на социологические исследования, автор замечает, что падение толерантности по отношению к мигрантам, скорее всего, носит временный характер. Так или иначе, поток мигрантов сократится, их дети адаптируются к новым условиям, и уровень толерантности продолжит рост. В развивающихся странах аналогичный перелом должен произойти и в отношении к этническим меньшинствам. По мере роста благосостояния культурные характеристики этих стран будут приближаться к значениям, характерным для развитого мира (Вельцель, 2017).

5. Корпоративизм и различия между странами в уровнях толерантности

Как следует из приведенных выше данных, в бывших английских колониях – Австралии, Новой Зеландии, Канаде и США уровни толерантности по отношению к иммигрантам выше, чем в Западной Европе. Такое соотношение естественно. В бывших колониях многие семьи помнят свое иммигрантское прошлое, а развитые институты адаптации мигрантов смягчают потенциальную напряженность между ними и коренным населением. А в Европе за последние два десятилетия произошел скачок иммиграции, соответствующие институциональные изменения запаздывают. Возник конфликт между правовой и интерактивной толерантностью: признание прав иммигрантов сосуществует с нежеланием взаимодействовать с ними.

Если, однако, рассмотреть другие аспекты толерантности и сопоставить ее уровни по странам, то соотношение оказывается более сложным. В этой связи заслуживают особого внимания результаты двух исследований: Das, DiRienzo, Tiemann, (2008) и Zanakis, Newburry, Taras (2016). Обе работы опираются в основном на данные весьма авторитетного источника – World Value Survey (WVS), первая – на четыре опроса 1999-2004 г., а вторая – на опрос 2005 г.

В первой статье предложен индекс глобальной толерантности (GTI), использующий ответы на вопросы о том, готов ли респондент иметь в качестве соседей гомосексуалистов, иностранцев, представителей иной расы или национальных меньшинств; еще один вопрос состоял в том, считает ли респондент важным учить детей толерантности. Таким образом, оценивалась «смесь» оценочной и интерактивной толерантности. Были ранжированы 62 страны; список десяти «наиболее толерантных» выглядит так: 1. Швеция; 2. Нидерланды; 3. Исландия; 4. Дания; 5. Канада; 6. Франция; 7. Испания; 8. Люксембург; 9. Германия; 10. Финляндия (Das, DiRienzo, Tiemann, 2008, Table 2).

Во второй статье авторы решают аналогичную задачу на других данных и другими методами. Предложенный ими индекс глобальной социальной толерантности GSTI

учитывает отношение респондентов к роли женщин в обществе, к национальным меньшинствам, иммигрантам и к религии. Он интегрирует ответы на 13 вопросов. Фактически по отношению к женщинам и к религии выявляется оценочная толерантность, по отношению к иммигрантам - правовая, а по отношению к нацменьшинствам - интерактивная. Ранжируются 56 стран, в первую десятку входят:

1. Швеция;
2. Норвегия;
- 3.Андорра;
- 4.Швейцария;
5. Германия;
6. Франция;
7. Новая Зеландия;
8. Нидерланды;
9. Австралия;
10. Финляндия (Zanakis, Newbury, Taras , 2016, Table 2, p. 11, столбец 1).

В приведенных списках совпадают всего 4 страны (Швеция, Нидерланды, Германия, Финляндия). Все они относятся к так называемым корпоративистским государствам, где целый ряд важнейших экономических и политических решений принимаются на основе диалога между представителями государства, предпринимателей и работников; в диалоге нередко участвуют и другие общественные организации (см., например, обзор Cardoso, Mendonça, 2012). В работе (Lijphart, 2012, Table 9.1) приведено ранжирование 29 стран по уровню корпоративизма. Мы опять-таки ограничимся указанием первых десяти:

1. Швеция;
2. Австрия;
- 3.Норвегия;
4. Дания;
5. Финляндия;
6. Германия;
7. Люксембург;
- 8.Швейцария;
9. Нидерланды
10. Бельгия.

Нетрудно видеть, что в каждом из двух списков наиболее толерантных стран имеется по шесть представителей наиболее корпоративистских режимов. При этом восемь представителей последнего списка входят в десятку лучших хотя бы по одному из двух критериев толерантности GTI или GSTI.

Следует отметить, что вслед за своими предшественниками Лейпхарт противопоставляет корпоративизм плюрализму групп интересов и даже говорит о ранжировании стран по индексу плюрализма (значение которого в представленном выше списке растет от Швеции к Бельгии). На наш взгляд, для такого противопоставления нет достаточных оснований. Тот факт, что в переговорах с правительством участвует небольшое число крупных организаций, отнюдь не означает отсутствие плюрализма, а скорее отражает тот факт, что согласование интересов разных групп предпринимателей происходит на предварительных этапах, до переговоров с правительством. Аналогичный процесс имеет место и для работников. Видимо, правильнее было бы говорить о двух вариантах плюрализма – конкурентного и консенсусного.

Плюрализм в обоих своих вариантах зиждется на толерантности. Однако конкурентный плюрализм требует лишь правовой толерантности, в то время как для устойчивости консенсусного плюрализма необходим высокий уровень интерактивной

толерантности. Это утверждение следует рассматривать как гипотезу, нуждающуюся в детальном обосновании.

Высокий уровень корпоративизма – один из признаков консенсусной демократии. Лейпхарт, автор соответствующей теории, так охарактеризовал различия между альтернативными демократическими системами: «... мажоритарная модель демократии является дискриминирующей, конкурентной и конфронтационной, в то время как для консенсусной модели характерны отсутствие дискриминации, переговоры и поиск компромисса...» (Lijphart, 2012).

Еще один признак консенсусной демократии – относительно большое число партий, входящих в парламент. В Табл. 5.2 Лейпхарт ранжирует по этому признаку 36 демократий (соответствующий показатель является средним за 1945-2010 гг.). Верхняя половина этой таблицы содержит не менее 7 стран из каждого десятка лучших по критериям GTI и GSTI.

Отметим, что США по показателю GTI занимает 13 место после Бельгии и Великобритании, а по индексу GSTI - только 18 место, отставая от всех развитых европейских стран за исключением Кипра.

6. Толерантность и экономический рост

В принципе влияние толерантности на экономическое развитие не однозначно. Правовая толерантность, воплощенная в законодательстве, может служить щитом для нарушителей закона, принадлежащих меньшинствам. Не случайно некоторые демократические страны вынуждены из соображений безопасности вводить правила, дискриминирующие меньшинства. Так, в 2011 г. во Франции и Бельгии было запрещено ношение никаба и паранджи в общественных местах.

Свобода иммиграции, поддерживаемая правовой толерантностью, при недостаточном уровне интерактивной толерантности и качества институтов может вести к межэтническим конфликтам, препятствуя экономическому развитию.

В то же время правовая толерантность (и тем более оценочная и интерактивная) способствует социальному миру, исключая или, по крайней мере, снижая издержки насилия.

Силовые столкновения, игравшие столь значительную роль в человеческой истории, требовали мобилизации усилий, ее важнейшими инструментами являлись ненависть и презрение к врагу. Становление наций, государств, империй, возникновение и распространение религий всегда сопровождалось ростом насилия и интолерантности,

культивацией предрассудков. Имперское сознание базировалось на мифах о генетических преимуществах или специальной миссии тех, кто претендовал на доминирование.

Технологическое развитие явилось решающей альтернативой войне как источнику благ. В результате повышения уровня жизни снизилась природная ценность дополнительных материальных приобретений и, соответственно, возросла относительная ценность человеческой жизни. Благодаря совершенствованию рыночных институтов появилась универсальная основа для взаимодействия разных групп. Важнейшую роль в этой трансформации сыграло развитие образования и культуры. К тому же создание оружия массового уничтожения сделало издержки силового противостояния между ядерными державами неприемлемо высокими. Толерантность, будучи необходимой предпосылкой сотрудничества, оказалась существенным фактором ускорения социально - экономического развития.

Приведенные соображения показывают, что уровень толерантности в той или иной группе, стране или регионе должен расти вместе с качеством жизни, степенью технологического и культурного развития. Эмпирические данные в целом подтверждают этот вывод. Уровни толерантности в развитых странах существенно выше, чем в развивающихся (Foa, 2015). При ранжировании по индексам GTI, GTSI, обсуждавшимся в предыдущем разделе, страны Запада занимают верхние строчки таблиц. Сильная положительная корреляция между толерантностью и уровнем душевого ВВП (по паритету покупательной способности) демонстрируется и в ряде других исследований.

Вместе с тем, попытки эмпирической проверки гипотезы о связи толерантности и темпов экономического роста не дают однозначных результатов (см. Berggren, Elinder, (2012), а также обсуждение и ссылки в Seitz et al. 2017). Вероятные причины расхождений состоят в том, что разные авторы используют различные индикаторы толерантности и наборы контрольных переменных.

Предположительно основной канал влияния толерантности на экономический рост реализуется благодаря связи разнообразия и инновационной активности (измеряемой обычно числом патентов на душу населения): толерантность обеспечивает положительный характер этой связи. Толерантность является предпосылкой готовности к восприятию новых идей и экспериментированию, она способствует сотрудничеству между индивидами и фирмами, знания и опыт которых дополняют друг друга, облегчает заимствование технологий и компетенций, формирование сетей и кластеров.

Отсюда следует, что наличие связи весьма вероятно при достаточно высоком уровне интерактивной толерантности. Частично ее уровень отражают вопросы типа: «Не возражали бы Вы, если бы Вашими соседями были представители такой-то группы?»

Такой подход использовался в работе Lorenz, Schmutzler (2015). Авторы рассматривали регионы Латинской Америки и получили значимую зависимость между толерантностью в указанном смысле и количеством патентов на изобретения. Иной подход применен в Seitz et al. (2017), где наряду с индикатором, отражающим преимущественно правовую и оценочную толерантность (по отношению к геям), использовался также показатель уровня доверия, причем в регрессию включался интерактивный член. Естественно полагать, что правовая толерантность в сочетании с доверием порождают интерактивную толерантность. И в самом деле, авторы продемонстрировали совместное положительное влияние двух индикаторов на инновационную активность в развивающихся странах. Для развитых стран значимый эффект не обнаружен. Авторы объясняют это наличием насыщения: при высоком уровне толерантности его дальнейшее повышение уже не играет роли. Возможно, однако, иное объяснение. В их регрессиях одной из объясняющих переменных является уровень человеческого капитала. Между тем, в работе Qian (2013) продемонстрировано положительное влияние толерантности на этот показатель. При их совместном использовании значимость толерантности для технического прогресса могла не проявиться.

В статье Qian (2013) изучалось влияние толерантности на инновационность 276 городских территорий США. Инновационность оценивалась долей патентов на одного занятого. Кроме того, исследовалось воздействие толерантности на уровень предпринимательства, измеряемого отношением числа вновь созданных фирм за фиксированный промежуток времени к числу занятых в регионе. Толерантность измерялась как среднее из доли геев и людей искусства (актеров, музыкантов, художников) в населении региона. Идея измерения восходит к классическим работам Р. Флориды и базируется на представлении о том, что не только первая, но и в значительной мере вторая группа включает людей нестандартных, выделяющихся из основной массы. Следует отметить, однако, что такой индикатор отражает не только отношение к меньшинствам, но и качество институтов, от которых зависит характер воздействия этой культурной переменной на процесс развития. Показатели данного типа заслуживают специального наименования. Мы будем называть их индикаторами толерантного разнообразия. Они характеризуют долю меньшинств, отличающихся стилем жизни и культурными параметрами от основного населения страны или региона.

Расчеты, представленные в Qian (2013) показали, что инновационность и уровень предпринимательства существенно зависят от человеческого капитала (изменяемого долей взрослого населения, имеющего степень бакалавра), на величину которого значимо и положительно влияет уровень толерантного разнообразия.

Аналогичная связь обнаружена и в работе Florida et al. (2010), где рассматриваются 46 канадских регионов. Здесь толерантность измеряется тремя индексами, характеризующими толерантное разнообразие: индексом, совпадающим с использованным в работе Qian (2013); долей жителей, не являющихся белыми и не принадлежащих европеоидной расе; и долей иммигрантов, не рожденных в Канаде. Все три индекса существенно и положительно влияют на человеческий капитал и уровень технологий в регионах. Кроме того, с увеличением второго и третьего индексов растет уровень душевого дохода.

Если ориентироваться только на уровень правовой толерантности, то результаты могут быть неустойчивы вследствие того, что преимущества толерантности нивелируются ее недостатками - трудностями координации из-за различий в стереотипах поведения и взаимного недоверия.

Технический прогресс требует роста человеческого капитала и, значит, кооперативности – умения координировать свои действия с действиями других индивидов. Кроме того, технический прогресс существенно сокращает трансакционные издержки кооперации. Эти тенденции способствуют росту толерантности (Вельцель, 2017) и развитию механизмов сотрудничества.

Таким образом, зависимость между толерантностью и экономическим развитием носит двусторонний характер (Inglehart, Welzel, 2009)⁷. Рост интерактивной толерантности при достаточно высоком качестве институтов ведет к увеличению человеческого капитала и интенсификации технического прогресса, что в свою очередь приводит к укреплению постматериалистических ценностей, а значит, к дальнейшему повышению толерантности. Это один из каналов реализации так называемого цикла эмансипации, детально изученного в монографии Вельцель (2017).

7. Заключение

Важность развития толерантности для каждой отдельной страны и всего мирового сообщества общепризнана. Так, во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001) говорится: «Мы переживаем критический, переломный момент, когда национальное самосознание трансформируется в космополитическое, и толерантность является необходимой предпосылкой этого процесса». Однако, как было показано выше,

⁷ «Although economic development requires difficult adjustments, its long-term effects encourage the emergence of more tolerant, less xenophobic, and ultimately more democratic societies.»(P.48).

для того чтобы понять эволюцию толерантности и связанные с ней эффекты, необходимо различать разные аспекты (типы) толерантности. Правовая, оценочная и интерактивная толерантность не обязательно эволюционируют синхронно. Опираясь на эти понятия и на введенное выше понятие толерантного разнообразия, оказывается возможным объяснить ряд, на первый взгляд, противоречивых результатов, полученных разными исследователями.

В последние 25 лет уровень толерантности демонстрирует сложную динамику. С середины 90-х одновременно с ростом правовой толерантности наблюдается резкое уменьшение интерактивной толерантности по отношению к мигрантам, а в ряде развивающихся стран – и по отношению к этническим меньшинствам. Скачок вызван интенсификацией иммиграционных процессов и межстрановых конфликтов. Однако есть основания предполагать, что эта тенденция носит временный характер и в долгосрочном периоде уровни толерантности развивающихся и развитых стран будут расти, сближаясь друг с другом.

Проведенное исследование показало необходимость совершенствования техники описания толерантности – учета ее разных типов и отношений между общественными группами. Для того, чтобы описать «поле толерантности», характеризующее то или иное сообщество, следовало бы задать список групп, по отношению к каждой из которых не принадлежащий ей индивид может характеризоваться толерантностью того или иного типа. Тем самым для каждого индивида определены три множества толерантности и задано «микроописание» поля толерантности. Более агрегированное, но все еще достаточно детальное описание этого поля можно получить, задав для каждой группы долю индивидов, толерантных к ней в каждом из трех значений. Тогда поле описывается списком четверок (группа; доли толерантных индивидов i -го типа, $i=1, 2, 3$). Признаками укрепления толерантности могут служить расширение множеств толерантности «среднего индивида» или увеличение долей толерантности, характеризующих важнейшие группы. Вводя эти определения, я надеюсь, что когда-нибудь они будут использованы в эмпирических исследованиях.

Есть основания полагать, что на эволюцию толерантности в мире существенно влияет политика США, которые пытаются навязать другим странам, не пренебрегая и силовыми методами, систему социально-экономической организации, не адекватную их стадии социально-экономического развития. Претензии американских правительств на мировое доминирование, пусть и прикрытые лозунгами демократии и прав человека, заставляют целый ряд политологов, социологов, культурологов рассматривать США как современную империю нового типа (см. Steinmetz (2005), Cooley, Nexon (2013), Lutz (2006)). Имеются

свидетельства существенного разрыва между американскими и европейскими ценностями (см. The American-Western European Values Gap, 2012). Эта тема заслуживает тщательного исследования, в том числе и в связи с растущим негативным отношением к России, имеющему глубокие исторические корни (Paul, 2001). Это обстоятельство не может не повлиять на процесс развития толерантности в нашей стране. Систематическое изучение данного процесса, начатое в проекте Асмолов (2003), заслуживает интенсивного продолжения.

Литература

Асмолов А. (гл. редактор) (2003). Библиотека. Век толерантности. М: Центр СМИ МГУ им. М.В.Ломоносова. <http://www.tolerance.ru/VT-1-2.php?PrPage=VT>

Вельцель К. (2017). Рождение свободы. М.: АО «ВЦИОМ», 404 с.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001)
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/decl_diversity.pdf

Полтерович В. М. (2015). От социального либерализма – к философии сотрудничества. Общественные науки и современность, № 4, 41-64.

Полтерович В. М. (2016). Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции. Вопросы экономики, №11,1-19.

Berggren N., M. Elinder (2012). Is tolerance good or bad for growth? Public choice, 150(1-2), 283-308.

Cardoso J.L., P. Mendonça (2012). Corporatism and beyond: an assessment of recent literature. Working Papers ICS. 31pp.

Chang H.-J. Kicking Away the Ladder. Cambridge University Press. 2002.

Corneo G., F. Neher (2012). Income Inequality and Self-Reported Values. GESI, Discussion Paper No. 382. 51 pp. <http://www.sfbtr15.de/uploads/media/382.pdf>

Coscia M., R. Hausmann, C. A. Hidalgo (2013). The Structure and Dynamics of International Development Assistance. Journal of Globalization and Development, Vol 3, №2, 1–42.

Cooley A., D. H. Nexon (2013). “The Empire Will Compensate You”: The Structural Dynamics of the U.S. Overseas Basing Network. Perspectives on Politics, Vol 11, №4, 1034-1050.

Das J., C. DiRienzo, Th. Tiemann, (2008). A global tolerance index. Competitiveness Review: An International Business Journal, Vol. 18, Issue 3, 192-205.

Declaration of principles of tolerance (1995). Proclaimed and signed by the Member States of UNESCO on 16 November 1995. (См. также Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 генеральной конференции юнеско от 16 ноября 1995 года).
http://www.unesco.org/webworld/peace_library/UNESCO/HRIGHTS/124-129.HTM

<http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php?PrPage=VT>

Florida R., C. Mellander, K. Stolarick (2010). Talent, technology and tolerance in Canadian regional development. *The Canadian Geographer* 54(3):277-304

<http://martinprosperity.org/media/pdfs/3Ts-Canada-Florida-et-al.pdf>

Foa R. (2015). *Creating an Inclusive Society: Evidence from Social Indicators and Trends*. Expert Group on Social Development and Agenda 2030. New York, NY: United Nations, 37 pp.

<http://www.un.org/esa/socdev/egms/docs/2015/sd-agenda2030/RobertoFoaPaper.pdf>

Geographical Distribution of Financial Flows to Developing Countries. Disbursements, Commitments, Country Indicators (2015). OECD.

http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/development/geographical-distribution-of-financial-flows-to-developing-countries-2015_fin_flows_dev-2015-en-fr#page1

Gibson J. L. (1992). The Political Consequences of Intolerance: Cultural Conformity and Political Freedom. *The American Political Science Review*, Vol. 86, No. 2, 338-356

Gould E. D. , A. Hijzen (2016). Growing Apart, Losing Trust? The Impact of Inequality on Social Capital. IMF Working Paper WP/16/176. 46 pp.

Halpern D. F. (2012). *Sex Differences in Cognitive Abilities: 4th Edition*. N. Y.: Psychology Press.

Hemel D. J. (2005). Summers' Comments on Women and Science Draw Ire
Remarks at private conference stir criticism, media frenzy *The Harvard Crimson*. January 14.
<http://www.thecrimson.com/article/2005/1/14/summers-comments-on-women-and-science/>

Hughes G. (2010). *Political Correctness: A History of Semantics and Culture*. Chichester: Wiley-Blackwell.

Inglehart R., C. Welzel (2009). How Development Leads to Democracy. *What We Know About Modernization*. *Foreign Affairs*, Volume 88, No.2, 33-41.

Kraus S. J. (1995). Attitudes and the prediction of behavior: A metaanalysis of the empirical literature. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 21, 58 –75.

Liakos A. (2008). History Wars: testing tolerance. In: *Tolerance and Discriminations in History*, CLIOHRESnet Publications.

http://marrep.webpages.auth.gr/images/PUBLICATIONS_ENG_REPOUSI/History%20Wars%20_%20A.%20Liakos.pdf

Lijphart A. (2012). *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty-six Countries*. Second Edition. New Haven: Yale University Press. 351 pp.

Lorenz E., J. Schmutzler (2015). Tolerance, Agglomeration and Enterprise Innovation Performance: A Multilevel Analysis of Latin American Regions. *Gredeg Working Papers #2015-43*, 27 pp.

- Lutz C. (2006). Empire Is in the Details. *American Ethnologist*, Vol. 33, No. 4, 593-61.
- Miller D. I., D. F. Halpern (2014). The new science of cognitive sex differences *Trends in Cognitive Sciences* Volume 18, Issue 1, p. 37–45 (см. также <http://d-miller.github.io/assets/MillerHalpern2014.pdf>).
- OECD (2016). Development Co-operation Report 2016. The Sustainable Development Goals as Business Opportunities. OECD Publishing. Paris. 317 pp.
- Paul M.C. (2001). Western negative perceptions of Russia: 'The Cold War Mentality' over five hundred years. *International Social Science Review* 76 (3/4), 103-122. <http://www.biomedsearch.com/article/Western-negative-perceptions-Russia-cold/100485420.html>
- Qian H. (2013). Diversity versus tolerance: The social drivers of innovation and entrepreneurship in US cities. *Urban studies*, 50(13), 2718-2735.
- Seitz N., D. B. Audretsch, K. M. Rouch (2017). Tolerance and Innovation: The Role of Institutional and Social Trust. SSRN, 32 pp. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2958215
- Sebruck R. (2013). Technology and Tolerance in Japan: Internet Use and Positive Attitudes and Behaviors Toward Foreigners. *Social Science Japan Journal*, 16 (2), 279-300.
- Steinmetz G. (2005). Return to Empire: The New U.S. Imperialism in Comparative Historical Perspective. *Sociological Theory*, Vol. 23, #4, 339-367.
- The American-Western European Values Gap (2012). Pew Research Center. <http://www.pewglobal.org/2011/11/17/the-american-western-european-values-gap/>
- Twenge J. M., N. T. Carter, W. K. Campbell (2015). Time Period, Generational, and Age Differences in Tolerance for Controversial Beliefs and Lifestyles in the United States, 1972--2012. *Social Forces*, Vol. 94, Issue 1, 379-399.
- Twenge J. M., W. K. Campbell, N. T. Carter (2014). Declines in Trust in Others and Confidence in Institutions Among American Adults and Late Adolescents, 1972–2012. *Psychological Science*, Vol.25, Issue 10, 1914–1923.
- Zanakis S. H., W. Newburry, V. Taras (2016). Global Social Tolerance Index and multimethod country rankings sensitivity. *Journal of International Business Studies*, Vol. 47, Issue 4, 480-497. https://www.researchgate.net/publication/301567941_Global_Social_Tolerance_Index_and_multi-method_country_rankings_sensitivity

